

Мне четыре. На картошку
взят я мамой и отцом.
Собираем понемножку,
чистим наш овощедром.

Я – помощник, понимаю,
что работник никакой,
но в ведёрко подбираю
по картошине одной.

Наше поле рядом с прудом,
сплошь окрашенным в баgreц.
– А пойдём, сынок, поудим! –
предлагает мне отец.

Снастью, взятою из дома,
оснащает мне пруток,
червячка из чернозёма
наживляет на крючок.

Взмах! Пожива исчезает
меж кувшинковых листов.
– Ну, давай! – отец вручает
удилище мне. – Готов?

Для меня всё это ново
и не ясно в чём тут прок.
Я таращусь бестолково
на перовый поплавок.

Он лежит, как будто в дрёме,
погружённый в тишину,
но внезапно встал торчком и
резко прянул в глубину.

– Подсекай! – отец, волнуясь,
мне вопит. – Тяни, сынок!
Противлению дивуюсь,
напрягаю свой пруток!

Самого клонит дугою.
Цвета блещущей слюды
бесноватое, живое
появилось из воды.

Мне оно – пришелец свыше,
тайна, с коей не знаком.
Я бросаю удилище,
прикрываюсь рукавом.

Но отец – удильщик истый,
подняв брошенную снасть,
этот слиток серебристый
смог к ногам моим покласть.

– Вот! – внушает беспечальный. –
принимай да разумея:

эта рыба – карп зеркальный,
твой заслуженный трофей.

Я гляжу, почти не слыша.
Что за диво предо мной!
Карп!

Живой!

Глядит и дышит –
серебристо-золотой!

Мне его безумно жалко,
а в душе звенит клавир...

Моя первая рыбалка –
открывающая мир.

* * *

Помню. Помню в моём детстве этот факт неоспоримый.
В гарнизоне среди сопок ясель нет и детсадов.
Можно целый день бродяжить в уголочках нелюдимых.
Впрочем, я – малыш и к дальним похождениям не готов.

С однолетками всedневно на площадке возле дома
я нехитрою забавой заполняю свой досуг,
но манит, манит округа, пребывающая в дрёме:
изумрудный полог леса и травой заросший луг.

И однажды я решаюсь, вопреки запрету мамы
на неслыханную вольность – отлучиться со двора.
От ровесников сопливых отдаляюсь и упрямо
устремляюсь вдаль под полог изумрудного шатра.

Я иду. Трава по пояс. Шорох в ней и писк пичужек,
шелест крылышек стрекозых, гул шмелиный басовит.
Я один. А предо мною мир цветущ и благодушен.
Он впервые предо мною так доверчиво открыт.

Я вхожу в чертоги леса. В них желанная прохлада.
Ветви мало пропускают свет сияющего дня.
Озираюсь, ощущая многочисленные взгляды.
Кто, не в меру любопытный, не спускает глаз с меня?

Нахожу: зверёк пугливый за валежиной таится –
полосатая шубейка, резвый, словно заводной.
А на ветке восседает мне неведомая птица,
чистит клювом свои перья, наблюдаючи за мной.

А вверху с хвостом пушистым суетливая зверушка
в лапках держит то ли шишку, то ли сорванный грибок.
Под листом у ручеёчка ждёт печальная лягушка,
когда стрелку к ней запустит незадачливый стрелок.

Что за диво? Уж не в царство ль угодил я Берендея?
Сколько читано мне сказок во словесных кружевах!
И с волнением небывалым я вытягиваю шею –
где-то здесь должна русалка притаиться на ветвях.

Из-под пня семейство гномов в колпачках остроконечных
выжидают миг знакомства с любопытствующим мной.
И вот-вот грядёт фатально ожидаемая встреча:
приземлится рядом ступа с лютой Бабою Ягой.

Я волнуюсь в предвкушенье удивительного действия.
Я в реальности и в сказке высшей волей заключён

как, кто постарше, воздымают
фонтаны брызг на быстрине.

И, явно видя мои страсти,
что были мне не по плечу,
предложил Юрка-шестиклассник:
– А хочешь, плавать научу?

И обхватив меня за пояс,
повлѣк с собой на быстрину,
как обречѣнного под поезд,
швырнул в кипящую волну.

Я вновь тону. И вновь пытаюсь
себя спасти на глубине.
Иду на дно, от дна толкаюсь,
глоток – и снова я на дне.

Меня опять спасли. На берег
случайный вытянул мужик.
А Юрка, рот брезгливо щеря,
– Слабак! – приклеил мне ярлык.

А я лежу. Гляжу, как внове,
на облака, на каждый знак
и Юрке я не прекословлю:
сам понимаю, что слабак.

И всё ж назавтра утром ранним
один на берег прихожу
и, искушеньем одурманен,
в купель прохладную вхожу.

Мне страшно. Мир окрест безлюден.
И если вновь со мной беда,
никто спасать уже не будет –
уйду под воду навсегда.

Но без особой канители
и, уповая на судьбу,
я, распластав себя в купели,
в тиши вдоль берега гребу.

Непознаваемое прежде
со мной вершится наяву:
вода речная держит! Держит!
Непостижимо! Я плыву!

Восторг доньше не избылся.
Он, как волшебный фимиам.
Ура! Я плавать научился!
И примечательно, что сам!

К полудню вновь вода вскипает
от ребятни, как кипяток.
Мне Юрка снова предлагает
продолжить прерванный урок.

Шагаю с ним, не возражая,
в себе уверенный вполне.
И Юрка вновь меня швыряет
встречь набегающей волне.

Я не барахтаюсь, как прежде,
на помощь громко не зову,

но, улыбаясь безмятежно,
вполне приемлемо плыву.

И Юрка, ставший очевидцем,
присовокупил вывод свой:
– Ты жаждал плавать научиться?
Плывёшь! Сработал метод мой!

* * *

Как приучал отец к охоте,
не поделиться не могу:
раненько утром по осоту
вдвоём шагаем к озерку.

Там камышовые уголья
и среди них, как островок,
среди коряг на мелководье
отцом устроенный скрадок.

Замаскированный шалашик,
как вид охотничьих засад,
он был по-своему домашен,
хотя и малость тесноват.

Отец на заводи открытой,
как на поверхности стекла,
сосредоточась, деловито
на уток ставит чучела.

И вот в скрадке своём укромном
птиц ожидаем табунок.

Отец, процессом увлечённый,
призывно крикает в манок.

О, он, бесспорно, маг обмана.
Призывы, видимо, сладки:
минута-две и из тумана
спустились на воду чирки.

Они на редкость беззаботны.
В них явный норов непосед.
Но грянул залп громоподобный –
смертоубийственный дуплет.

Дымок от залпа быстро тает,
и в оглушившей немоте
– Неси! – отец мне предлагает,
и к уткам мчу я по воде.

Они, распластаны бессильно,
лежат, повергнутые ниц.
И замираю я, посыльный:
мне очень жаль убитых птиц.

Не скрыть им, даже убиенным,
сколь благ природа им дала,
как для полёта совершенны
их стреловидные тела!

Отец, охоту продолжая,
палит и кличет – будь здоров!
А я с печалью озираю
погибель принявших чирков.

Увы, не радует добыча
и непригляден сам процесс.
Уничтожать богатство птичье –
ну, в чём тут кровный интерес?

Но кончен лёт. Пора в дорогу.
Моё терпенье оценив,
мне подаёт ружьё в итоге
отец:
– Давай, сынок, шмальни!

Один чирок в воде флиртует
от нас не очень далеко.
Отец мне въедливо толкует,
как надо целиться в него.

Советы слушая послушно,
я исполнять их не готов.
Сажу я птицу не на мушку,
а выше сдвоенных стволов.

Палю, следя счастливым взглядом,
как улетает вдаль беглец...
– Мазила! – молвил мне с досадой
разочарованный отец.

Он звал не раз ещё с собою,
добычей знатною маня,
но не увлёл меня убоим
ни птиц, ни прочего зверья.